

Бассейн озера Чад: территория нестабильности

© Денисова Т.С.^{a,b}, Костелянец С.В.^{a,c}, 2024

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b ORCID: 0000-0001-6321-3503; tsden@hotmail.com

^c ORCID: 0000-0002-9983-9994; sergey.kostelyanyets@gmail.com

Резюме. Бассейн озера Чад (БОЧ) представлял собой зону нестабильности на протяжении веков. Столкновения между различными племенами и общинами, коренными жителями и чужаками, мусульманами и анимистами, земледельцами и скотоводами происходили в регионе с давних доколониальных времен. В последние десятилетия на перманентные военно-политический и социально-экономический кризисы в БОЧ наложились новые невзгоды, связанные с глобальным потеплением, – более продолжительные, нежели ранее, засухи, разрушительные наводнения и т.д. Климатические катаклизмы обусловили реконфигурацию озерного побережья, обострили конфликты между различными группами местного населения за доступ к природным ресурсам.

В середине 2010-х гг. БОЧ подвергся «нашествию» исламистов, поднявших насилие до небывалого здесь ранее уровня, но одновременно начавших развивать в регионе экономику войны и предоставлять услуги местному населению, таким образом побуждая мирных мусульман присоединяться к джихадистскому движению. Угрозу безопасности в БОЧ начинают создавать и общинные группы самозащиты, изначально сформированные для поддержки регулярных армий стран бассейна в их противодействии «Боко Харам», но постепенно трансформировавшиеся в криминальные структуры.

Ключевые слова: бассейн озера Чад, политическая нестабильность, конфликты, климатические изменения, экономика войны, миграции населения

Для цитирования: Денисова Т.С., Костелянец С.В. Бассейн озера Чад: территория нестабильности. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 1. С. 33–41. DOI: 10.31857/S032150750029645-1

The Lake Chad Basin: A Territory of Instability

© Tatyana S. Denisova^{a,b}, Sergey V. Kostelyanets^{a,c}, 2024

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b ORCID: 0000-0001-6321-3503; tsden@hotmail.com

^c ORCID: 0000-0002-9983-9994; sergey.kostelyanyets@gmail.com

Abstract. The Lake Chad Basin (LCB) has been an area of instability for centuries. Clashes between various tribes and communities, indigenous people and outsiders, Muslims and animists, farmers and pastoralists have occurred in the region since pre-colonial times. In recent decades, the permanent military-political and socio-economic crises in the LCB have been superimposed by new adversities associated with global warming – longer droughts, more destructive floods, less predictable rainfall, etc. Climate disasters have caused the reconfiguration of the lake coast, the reduction of arable and pasture lands, their erosion, the disappearance of many species of plants, animals and fish, which, in turn, has exacerbated conflicts between various groups of the local population over access to natural resources.

Since the mid-2010s, the LCB has been invaded by Islamists, who raised the violence to previously unseen levels, but at the same time began to develop an economy of war in the region and provide services to the local population, thus encouraging Muslim civilians to join the jihadist movement. Communal self-defense groups, which were initially formed to support the regular armies of the LCB countries in their war on Boko Haram but gradually evolved into criminal structures, are also beginning to pose a threat to security in the LCB.

The most important problem facing LCB residents is that they are constantly caught between two fires: Islamists consider them “agents of the government”, while the authorities accuse them of collaborating with militants. Since the military cannot always protect the population, communities develop their own survival strategies, which benefits the Islamists and weakens state power in the region.

Keywords: Lake Chad Basin, political instability, conflicts, climate change, economy of war, migration

For citation: Denisova T.S., Kostelyanets S.V. The Lake Chad Basin: A Territory of Instability. *Asia and Africa today*. 2024. № 1. Pp. 33–41. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750029645-1

ВВЕДЕНИЕ

Военно-политический, социально-экономический и экологический кризис, охвативший в 2010-е – 2020-е гг. район бассейна озера Чад, оказался одним из самых масштабных в истории Африки. Однако конфликты между проживающими здесь народами за доступ к природным ресурсам, межконфессиональные противоречия, а позже – пограничные споры и вооруженная деятельность оппозиционных, террористических, преступных группировок и племенных ополчений уходят своими корнями в доколониальный и колониальный периоды развития региона.

Нестабильность в этом регионе обрела характер перманентной еще в VIII в., когда вокруг озера кочевыми племенами, пришедшими из Ливии и восточных районов современной территории Республики Чад, была основана империя Канем (с XIV в. – королевство Борну), начавшая освоение плодородных приозерных земель посредством вытеснения и порабощения местных жителей. В начале XIX в. войско султана Сокото (халифата, основанного в 1809 г.) Османа дан Фодио (*фульбе*) захватило часть Борну – государства *канури*, и вражда между этими народами, несмотря на их исламское вероисповедание, продолжается до сих пор и вносит свой вклад в сохранение нестабильности в регионе, в котором кроме основных – *фульбе* (*фулани*), *хауса* и *канури* – проживают представители еще примерно 70 этнических групп¹.

В последней трети XX в. на уже привычные для местных племенных сообществ зачастую кровопролитные споры из-за доступа к наиболее плодородным участкам земли наложились климатические катаклизмы: сильные засухи в одних местах происходили одновременно с сильными наводнениями в других, и местные жители начали «метаться» по региону в поисках приемлемых условий существования. В 2010-е гг. ситуация еще больше обострилась в связи с появлением в БОЧ исламистской террористической организации «Боко Харам», её расколом на две группировки, враждовавшие друг с другом, и с развитием в регионе т.н. экономики войны.

Более того, БОЧ является пограничной территорией. Правительствам стран – Камеруна, Нигера, Нигерии и Чада, имеющих свои части озерного побережья и до сих пор не поделивших острова таким образом, чтобы претензии на них не вызывали конфликтов, практически не удается контролировать эти далекие от центра районы, десятилетиями превращавшиеся в зоны масштабной контрабанды, нарко- и человеческого трафика, торговли оружием и в убежища для антиправительственных группировок, на территории бассейна пополнявших свои ряды за счет местной молодежи.

КЛИМАТИЧЕСКИЕ КАТАКЛИЗМЫ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

БОЧ представляет собой обширную сеть множества рек и озер и является одним из крупнейших (2,3 млн кв. км) водосборных и бессточных бассейнов в Африке; река Шари с её главным притоком Логоне обеспечивает 95% притока в озеро, 5% приходится на р. Камадугу-Йобе [1, р. 50]. Между тем из-за частых засух площадь водной поверхности озера сократилась более чем на 90% – с 26 тыс. кв. км в 1963 г. до 1500 кв. км в 2021 г.², хотя примерно в 1990-е гг. этот процесс практически остановился [2].

Хотя ученые до сих пор не пришли к консенсусу по поводу главных факторов (изменение климата, неуправляемая эксплуатация озерных ресурсов или др.) исчезновения озера, большинство сходится во мнении, что ключевую роль в этом играет глобальное потепление, тем более что в БОЧ темпы повышения температуры в 1,5 раза превышают среднемировые [3, р. 5], что, прежде всего, негативно сказывается на ведении сельского хозяйства. Например, в районе Диффа (Нигер) раннее прекращение дождей в 2021 г. привело к снижению урожая зерновых по сравнению с 2020 г. более чем на 1,5 млн т и к голоду 24% местного населения³.

Рост численности населения бассейна в результате высокой рождаемости и масштабной иммиграции из других районов континента также способствует сокращению объема воды в озере – прежде всего из-за реализации странами региона несогласованных ирригационных проектов.

¹ https://acaps.org/fileadmin/Data_Product/Main_media/20220816_acaps_thematic_report_global_analysis_team_lake_chad_basin_0.pdf (accessed 29.12.2023)

² Ibidem.

³ <https://reliefweb.int/report/niger/crise-alimentaire-au-niger-mobiliser-urgence-ressources-cons-quentes-pour-sauver> (accessed 31.12.2023)

Начиная с «великой засухи», охватившей зону Сахеля в 1970-е гг., в регион стало прибывать всё больше и больше экономических беженцев. Среди них были и фермеры, и скотоводы, менявшие маршруты перегона скота в поисках пастбищ. Из-за падения уровня воды начали появляться новые острова, заселявшиеся как коренными озерными жителями, так и мигрантами. Если в середине 1970-х гг. на берегах водоема проживало около 700 тыс. человек, то к концу 2010-х гг. – примерно 2,2 млн, вместе с окрестностями – 13 млн, а водой и другими ресурсами озеро обеспечивает более 30 млн человек в четырех странах⁴. Прибытие больших групп переселенцев с разными профессиональными навыками и уровнями квалификации способствовало экономическому росту в регионе, одновременно обостряя соперничество за контроль над островами и побережьем. Эта тенденция усугубилась текущим конфликтом.

Озеро веками использовалось как источник воды, район масштабного рыболовства, как транспортный коридор, а его берега – для земледелия и животноводства. Однако частые наводнения, длительные засухи, песчаные и пыльные бури, а также сильные ветры приводят к сокращению площадей, занимаемых под выращивание продовольственных культур, и, соответственно, к снижению уровня продовольственной безопасности. Например, в Нигере из-за наводнений, уничтожавших жилье и посевы, в 2019 г. угрозе голодной смерти подверглись более 45 тыс. человек, в 2020 г. – свыше 7 тыс., в 2021 г. – более 10 тыс. В 2020 г. масштабное наводнение наблюдалось на севере Камеруна: около 150 тыс. человек были вынуждены покинуть свои дома, усилив таким образом «продовольственную нагрузку» на т.н. принимающие сообщества. В 2021 г. в тех же северо-камерунских районах заметно сократился объем осадков, что привело к расширению миграционных потоков в сторону озерного побережья. В свою очередь, в нигерийском штате Борно, граничащем с озером, в результате проливных дождей в 2019–2020 гг. пострадало более 40 тыс. человек: вода уничтожила посевы кукурузы, сорго и проса на 4 тыс. га. На чадской территории БОЧ в 2020 г. наводнение уничтожило 11 тыс. га посевов и вынудило к перемещению 33 тыс. человек⁵.

Не меньший урон человеческому обитанию наносит и периодический дефицит осадков. Засухи и лесные пожары вызывают деградацию почвы, сокращение биоразнообразия и обеднение травяного покрова пастбищ: многие скотоводы вынуждены отказываться от разведения крупного рогатого скота и верблюдов в пользу коз и овец. Население БОЧ, почти полностью зависящее от климата и состояния окружающей среды, привыкло переключаться с одного вида деятельности на другой, например с земледелия на рыболовство (хотя по мере отступления озера и рыбаки вынуждены мигрировать), но учащение природных катаклизмов негативно влияет на способность людей приспосабливаться к новым условиям.

Хотя после появления в регионе в 2010-е гг. исламистов «Боко Харам» климат перестал быть главной причиной тяжелой гуманитарной ситуации, он тем не менее осложняет положение людей, к тому же страдающих от вооруженного насилия.

БОЧ КАК ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ВЗРАЩИВАНИЯ ТЕРРОРИСТОВ

Исламистское движение «Боко Харам» возникло на северо-востоке Нигерии в конце 1990-х – начале 2000-х гг. В 2010-е гг. в результате наступления регулярной армии основная часть группировки была вытеснена с нигерийской территории в регион озера Чад, где разделилась на множество более или менее крупных вооруженных отрядов, распространившихся по всему бассейну (подробнее см., например, [4; 5 и 6]).

В 2016 г. «Боко Харам» разделилась на «Западноафриканскую провинцию “Исламского государства”» (ЗАПИГ) и «Общество приверженцев распространения учения пророка и джихада», которое для удобства продолжали называть «Боко Харам». После раскола группировки в значительной степени игнорировали друг друга, не обменивались разведывательной информацией и не согласовывали действия; периодически между ними происходили столкновения, и в мае 2021 г. в одной из стычек погиб лидер «Боко Харам» Абубакар Шекау. Часть его бойцов присоединилась к ЗАПИГ, часть продолжает действовать в БОЧ, Мали, Буркина-Фасо и в ряде других государств.

⁴ <https://crisisgroup.org/africa/central-africa/chad/246-fighting-boko-haram-chad-beyond-military-measures> (accessed 29.12.2023)

⁵ https://acaps.org/fileadmin/Data_Product/Main_media/20220816_acaps_thematic_report_global_analysis_team_lake_chad_basin_0.pdf (accessed 29.12.2023)

На территории БОЧ «Боко Харам» совершила около 90% своих нападений. Прозрачная граница, дремучий лес Самбиса и высокие горы Мандара облегчали ведение повстанческой войны и контрабанду оружия.

С середины 2010-х гг. здесь наблюдался постоянный рост трансграничной преступности – незаконной торговли, похищений людей, угона скота и т.д. «Боко Харам» активно вербовала в свои ряды контрабандистов, используя их знание местности и военной/полицейской тактики. Опираясь на контрабандные сети, раскинутые на озере, боевики совершали набеги на местные общины и торговцев, что побуждало последних сотрудничать с группировкой, чтобы избежать насилия [7, р. 68]. Кроме того, БОЧ постепенно превращался в зону скопления здесь боевиков из других африканских повстанческих движений – ливийских, малийских, чадских, центральноафриканских и пр. (подробнее см. [8, с. 141–163]), охотно передававших свои навыки комбатантам «Боко Харам».

Благодаря преимущественному проживанию в регионе мусульман, масштабной бедности и из-за игнорирования властями стран бассейна потребностей местных жителей в образовании, здравоохранении и в других социальных услугах БОЧ стал благодатной почвой для распространения любых радикальных идей, в том числе исламистских, и для привлечения населения к антиправительственной деятельности. Хотя жители региона разделены границами и постоянно сражаются за доступ к природным ресурсам, они объединены религией и одинаково считают себя жертвами политической и социально-экономической маргинализации. Именно поэтому и «Боко Харам», и ЗАПИГ легко привлекают в свои ряды молодежь региона, а население обеспечивает боевикам убежище, одновременно позволяя им устанавливать связи с рыболовными союзами, фермерскими сообществами и рыночными группами [9, р. 1].

Успех исламистов в закреплении в БОЧ и в вербовке молодежи проливает свет на недостатки государственного управления на периферии. До 2000-х гг. озеро считалось правительствами стран бассейна отдаленной приграничной зоной.

В нигерском приозерье, например, несмотря на существование с 1975 г. дороги, соединяющей столицу – г. Ниамей – с несколькими прибрежными населенными пунктами, государство начало расширять свое присутствие лишь в связи с разработками нефтяного месторождения «Агадем», находящегося в зоне БОЧ. В Камеруне районы крайнего севера оказались в фокусе внимания властей в основном из-за роста в них террористической активности и дорожного бандитизма. Для Чада район озера не является столь отдаленным, как для соседних стран, так как более половины площади бассейна находится в пределах его территории и водоем снабжает столицу (Нджамену) рыбой и сельскохозяйственными продуктами, однако лишь в октябре 2015 г., в связи с наступлением чадской армии на позиции «Боко Харам», Идрис Деби, тогдашний президент (1990–2021 гг.) Чада, впервые в своей жизни посетил этот регион [10, р. 9].

Доступ к общественным услугам в БОЧ остается намного ниже средних показателей по странам бассейна. Более 80% местного населения неграмотно, охват школьным образованием едва достигает 30%; один врач приходится на 140 тыс. жителей, что в конце прошлого десятилетия составляло лишь четверть от среднего показателя, например, для Чада⁶.

Недовольство островитян политикой официальных властей, безусловно, способствовало росту влияния исламистов, тем более что местная экономика в значительной степени ориентирована на родину «Боко Харам» – нигерийский город Майдугури, который служит как коммерческим, так и религиозно-культурным центром для многих чадцев и нигерцев, свободно пересекающих границу в поисках работы и для получения образования. Большинство юношей, посещавших северо-восток Нигерии для обучения в коранических школах, становились последователями имамов, близких к «Боко Харам», а домой возвращались с аудиокассетами с записями проповедей первого лидера движения Мохаммеда Юсуфа, убитого нигерийскими военными в 2009 г. и ставшего «мучеником за веру», поэтому исламистские идеи стали быстро распространяться по региону.

С 2015 г. – с начала масштабного пришествия исламистов в БОЧ – террористическая угроза перестала быть «нигерийской» и обрела региональный характер. Выросло число нападений на гражданские и военные объекты в северном Камеруне, южном Нигере и западном Чаде. Из-за различающихся тактик и стратегий, взятых на вооружение «Боко Харам» и ЗАПИГ, задачи противостояния террористам для правительств стран бассейна заметно усложнились.

⁶ <https://icg-prod.s3.amazonaws.com/246-fighting-boko-haram-in-chad-beyond-military-measures.pdf> (accessed 28.12.2023)

Если группировка «Боко Харам» в основном практиковала карательные экспедиции, направленные против гражданского населения (как христиан-неверных, так и мусульман-отступников, т.е. не разделяющих идеи джихада), и использовала женщин и детей в качестве террористов-смертников (первый теракт, совершенный представительницей слабого пола, произошел в июне 2014 г.⁷), то ЗАПИГ, мишенями которой преимущественно служат армии стран региона и проправительственные ополчения, зачастую выступает в качестве защитника населения от злоупотреблений властей, жандармерии, таможенников и т.д. и нередко предлагает молодым людям, готовым присоединиться к группировке, деньги «на женитьбу», таким образом вбивая клин между гражданами и правительством. Как правило, бойцы этой фракции покупают, а не отнимают продукты у местных жителей, что заметно отличает их от боевиков «Боко Харам», которые предпочитали действовать исключительно силой. В то же время в районах, подконтрольных ЗАПИГ, сохраняется система суровых наказаний за участие в азартных играх, курение и употребление алкоголя, которая, впрочем, поддерживается местными правоверными мусульманами [11, р. 26].

Однако тактика налаживания контактов с мирными жителями, взятая ЗАПИГ на вооружение, имеет свои изъяны: во-первых, из-за насилия, совершавшегося в регионе «Боко Харам», население привыкло опасаться за свою жизнь и не доверять исламистам; во-вторых, «мирные» отношения между джихадистами и местными общинами сохраняются лишь до того момента, пока крестьяне в состоянии «добровольно» снабжать боевиков всем необходимым. Поэтому бегство из зон влияния ЗАПИГ продолжается, несмотря на обещания её лидеров обеспечить безопасность граждан «будущего Халифата»: именно построение транснационального Исламского государства от Атлантики до восточного побережья Африки было главной заявленной целью лидеров ЗАПИГ⁸.

Таким образом, исламисты могут разными способами поддерживать свою жизнедеятельность, полагаясь на доступные ресурсы. Они занимаются вымогательством, участвуют в незаконной торговле, похищениях людей с целью получения выкупа, т.е. активно развивают экономику войны.

Вымогательство ложится тяжелым бременем на местных жителей, и без того страдающих от климатических катаклизмов, насилия и отсутствия основных услуг. Так, ЗАПИГ получает с пастухов «налог» на каждое животное, но предоставляет безопасное место для выпаса⁹. В Камеруне боевики предлагают защиту предпринимателям и торговцам, облагая их налогами; в Чаде рыбаки отдают им часть улова. Налоги исламисты предпочитают брать натурой – продуктами питания, зерном, горючим и т.д.

Среди видов деятельности, приносящих боевикам наибольшие доходы, – угон скота с целью его продажи и рыболовство. В одном только 2016 г. продажа трех партий скота в северном Камеруне принесла боевикам 12 млн евро¹⁰. Чтобы избежать потери животных, скотоводы вынуждены менять маршруты их перегона, например из Чада в Нигерию (где цены выше) через центральные районы Нигера, имеющие меньше водоемов; в результате часть стада погибает в пути. Правда, постепенно угон скота стал вытесняться «сотрудничеством» с пастухами, которые готовы платить за его охрану на пути к рынку¹¹. Боевики также занимаются торговлей рыбой, причем действуют двумя способами: либо конфискуют улов, либо позволяют рыбакам заниматься своей деятельностью в обмен на долю прибыли.

ЗАПИГ наладила отношения с торговцами, дилерами и перевозчиками, которым передает «конфискованную» сельскохозяйственную продукцию – лук, хлопок, красный перец и пр. Активно ведется торговля каннабисом, оружием, медикаментами, украденными автомобилями, запчастями и топливом. Экспроприации проводятся в шадящих масштабах: боевики не заинтересованы в подрыве региональной системы коммерции, поэтому законные поставки, например копченой рыбы и других продуктов из Нигера в Нигерию и в обратном направлении, на протяжении конфликта не прекращались [12]. В 2022 г. ЗАПИГ – к удовлетворению местных жителей – открыла два рынка для торговли скотом, рыбой и сельхозпродукцией в нигерийском штате Борно¹².

⁷ <https://reuters.com/article/us-nigeria-boko-haram-insight/in-nigeria-boko-haram-style-violence-radiates-southwards-idUSKBN0F10SJ20140713> (accessed 27.12.2023)

⁸ <https://www.reuters.com/article/us-usa-nigeria-boko-haram-idUSKCN0Z72WT> (accessed 26.12.2023)

⁹ <https://www.reuters.com/article/idUSKBN1I0063> (accessed 26.12.2023)

¹⁰ <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/Terrorist-Financing-West-Central-Africa.pdf> (accessed 26.12.2023)

¹¹ <https://www.reuters.com/article/idUSKBN1I0063> (accessed 26.12.2023)

¹² <https://intelregion.com/news/iswap-terrorists-establish-two-markets-in-marte-local-government-borno-state> (accessed 26.12.2023)

Похищение людей с целью получения выкупа – еще один важный источник финансирования террористической деятельности. Так, за 21 школьницу, похищенную в 2014 г. в Чибоке, в октябре 2016 г. нигерийское правительство заплатило «Боко Харам» \$1 млн, еще за 82 заложника – \$2 млн¹³.

В свою очередь, местным жителям – из-за неспособности властей стран бассейна обеспечивать продовольственную безопасность и предоставлять основные услуги населению, что, безусловно, усложняется в связи с фактической «оккупацией» БОЧ исламистами, – ради выживания приходится заниматься трансграничной торговлей всем, чем придется, – от оружия и скота до сигарет, наркотиков и нефтепродуктов. Однако появление в регионе «Боко Харам», а затем ЗАПИГ, нуждавшихся в самообеспечении продовольствием, оружием, боеприпасами, медикаментами и пр., – несмотря на существование многочисленных спонсоров (в начале 2022 г. правительство Нигерии заявило об обнаружении на территории страны 96 финансовых покровителей обеих группировок; с террористами были связаны также 123 компании и 33 бюро по обмену валюты¹⁴), – привело к заметному расширению масштабов незаконной экономической деятельности. Впрочем, следует признать, что, хотя развитие экономики войны действительно способствовало выживанию и даже обогащению представителей местного предпринимательского класса, значительная часть приозерного и островного населения больше теряла, нежели приобретала из-за периодического закрытия границ, установления в ответ на действия исламистов дорожных блокпостов и других мер безопасности, препятствовавших ведению как законной, так и незаконной торговли.

Между тем, совершая акты террора, отталкивавшие потенциальных сторонников, и «Боко Харам», и ЗАПИГ в известном смысле замещали государство, предоставляя населению определенный набор услуг: медицинских, образовательных, охранных и др. [13, pp. 135–136]. При этом ЗАПИГ, меньше, нежели «Боко Харам», замешанной в актах насилия против мирных жителей, путем развития социальной инфраструктуры удалось сформировать относительно благоприятную среду для появления своеобразного экономического пространства, в котором нашлось место для всех – и реальных, и мнимых – сторонников идеи создания халифата, в т.ч. для лояльных исламистам представителей государственных органов управления [14, p. 81].

Следует отметить, однако, что местное население не питает иллюзий по поводу мотивов боевиков: изначальные цели радикализации ислама, распространения на контролируемых территориях законов шариата и создания Исламского халифата постепенно всё больше вытесняются жадой наживы. Безусловно, религия для ЗАПИГ, аффилированной с «Исламским государством» и получающей от него некоторую материальную поддержку, служит своего рода инструментом сплочения и повышения морального духа бойцов. Однако разрыв между религией и другими мотивирующими факторами – политическими, экономическими, маргинализацией, бедностью, безработицей и т.д. – в контексте распространения исламского фундаментализма остается весьма размытым, и возможность доступа к природным и человеческим ресурсам в ходе конфликта усиливает взаимосвязь между всеми его аспектами.

Применительно к бассейну озера Чад можно с достаточной долей уверенности говорить о больших перспективах его дальнейшей «исламизации», т.к. он как будто специально создан природой для эффективного формирования в нем экономики войны/терроризма, и это несмотря на постепенное ухудшение экологии.

Наряду с богатыми земледельческими, скотоводческими и рыбными ресурсами регион богат нефтью (по оценкам, её запасы превышают 232 млрд баррелей) и газом (более 14,6 трлн куб. футов) [15, p. 83], а когда несколько государств располагаются вокруг большого подземного/подводного нефтяного бассейна, у властей этих стран неминуемо возникает желание пересмотреть границы своих владений и доказать принадлежность месторождения своей территории. Разногласия по поводу использования озерных ресурсов всегда предопределяли недружественность в отношениях между, например, Нигерией и Чадом, что, в свою очередь, препятствовало достижению ими эффективности в совместной борьбе с «Боко Харам» и ЗАПИГ.

МЕЖОБЩИННЫЕ КОНФЛИКТЫ И ПЛЕМЕННЫЕ ОПОЛЧЕНИЯ

Усиление хозяйственной нестабильности в результате конфликта сочетается со старым соперничеством между отдельными группами населения за «права коренных народов», за доступ к ресурсам, за воз-

¹³ <https://ednews.net/ru/news/world/227999-wsj-nazvala-cenu-osvobodjeniya-poxishennix> (accessed 26.12.2023)

¹⁴ <https://thenewsnigeria.com.ng/2022/02/03/nigeria-uncovers-96-financiers-of-iswap-boko-haram-424-associates> (accessed 26.12.2023)

возможности координации коммерческой деятельности и т.д. Так, к западу от озера арабы, когда-то прибывшие сюда из Ливии, Чада и других государств Сахары-Сахеля, и *хауса* оспаривают между собой контроль над торговлей скотом. На самом озере идут сражения за оказание услуг по перевозке продукции на моторных лодках и каноэ. На чадском берегу племена *канембу* и *будума* соперничают за торговлю козами, дровами, ткацкими изделиями и др. Различные кланы *будума*, полагающие, что многие острова являются их исторической собственностью, взимают «налоги» с рыбаков и пастухов, принадлежащих к другим этническим группам, и препятствуют их перемещениям через озеро. Некоторые общины *будума* объединились с «Боко Харам» или ЗАПИГ, чтобы сохранить контроль над озером.

Самый кровопролитный в истории Камеруна межобщинный конфликт произошел в августе 2021 г., когда количество осадков в районе города Логон-Бирни резко уменьшилось, а реки и пруды, из которых местные общины арабских скотоводов-*чоа* и рыбаков-*мусгум* брали воду, заметно обмелели. В ходе столкновений около 20 деревень были сожжены, 40 – покинуты их жителями, более 40 человек были убиты, около 80 – ранены; 11 тыс. камерунцев переместились в Чад. Однако в декабре того же года конфликт возобновился, и в этот раз в Чад бежали примерно 85 тыс. человек и еще около 15 тыс. – в другие районы Камеруна. Были сожжены 112 деревень. Непосредственной причиной декабрьского противостояния стало рытье рыбаками огромных ям для хранения воды и рыбы. В свою очередь, скотоводы вынуждены были перемещаться по той же территории в поисках водоемов, и животные, попадая в ямы, ломали ноги и тонули¹⁵.

В нигерском районе Диффа и чадском – Лак уничтожение скотом посевов также было источником большинства межобщинных конфликтов: скотоводы, спасающиеся от засух, меняют маршруты передвижения животных, прокладывая их ближе к источникам воды, а сокращение пригодных для посевов земель вынуждает фермеров перемещаться и занимать посадками каналы перегона скота.

В ответ на насилие, совершаемое как «Боко Харам»/ЗАПИГ, так и «враждебными» племенами, почти каждая община в БОЧ создает свое ополчение, в ряды которого охотно вступает местная молодежь, как представляется, прежде всего потому, что охранять своих сородичей от набегов джихадистов и прочих «недрузгов» оказывается физически легче, нежели работать в поле или перегонять стада, и выгодней, так как соплеменники вскладчину оплачивают эту деятельность, которая к тому же создает дополнительные источники получения доходов.

Само по себе такое явление, как формирование племенных ополчений, которые чаще стали называться общинными группами самообороны (ОГС), в Африке имеет многовековую историю. Формально главная задача, для решения которой создается ОГС и которая заключается уже в самом названии этого «общественного института», не изменилась с доколониальных времен, однако практическая её реализация в контексте нестабильности претерпела существенные трансформации. Первые современные ОГС, нацеленные на противостояние «Боко Харам», были сформированы на северо-востоке Нигерии в 2013 г. Молодые люди, в основном *хауса*, начали собираться в небольшие группы «линчевателей» (как их стали называть) и патрулировать окрестности своих населенных пунктов для предотвращения проникновения в них боевиков-исламистов, занимавшихся грабежами и совершавших другие виды насилия [16, р. 5].

С середины 2010-х гг., т.е. с начала прибытия в БОЧ боевиков «Боко Харам», в регионе в массовом порядке стали создаваться ОГС нового типа – якобы проправительственные ополчения, призванные сотрудничать с регулярными армиями стран бассейна. В их функции входило участие в совместных с армейскими подразделениями рейдах, сбор разведывательной информации, выявление местных жителей, поддерживающих идеи джихада, и т.д.

Однако излишне жесткая реакция правительств на действия повстанцев и их сообщников среди мирных жителей, произвольные аресты граждан, сочувствие которых исламистам не имело никаких доказательств, осуществление солдатами грабежей, вымогательств и других видов насилия вместо защиты населения – и всё это на фоне формирования торгово-экономических отношений между местными общинами и боевиками – побуждали ополченцев переориентироваться на сотрудничество, в т.ч. военное, с «защитниками чистоты ислама».

Более того, постепенно расширяя свои ряды, в которые вступали даже женщины, и получая оружие – либо от солдат регулярных армий, либо от исламистов, ополченцы оказывались способными к само-

¹⁵ https://acaps.org/fileadmin/Data_Product/Main_media/20220816_acaps_thematic_report_global_analysis_team_lake_chad_basin_0.pdf (accessed 29.12.2023)

стоятельной, преимущественно незаконной, деятельности. Занимаясь контрабандой, грабежами, вымогательствами на организованных ими блокпостах, похищениями с целью получения выкупа и т.д., ОГС начали создавать угрозу и джихадистам, и правительственным структурам, превратившись таким образом в фактор нестабильности, едва ли в настоящее время не более серьезный, нежели террористическая активность «Боко Харам» и ЗАПИГ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хотя религия по-прежнему играет важную роль в пополнении рядов исламистов, привлекательность гибели под знаменами джихада постепенно вытесняется возможностями, которые предоставляются местным жителям, выжить или даже обогатиться благодаря сотрудничеству с террористами. Впрочем, следует учитывать и фактор страха, подпитывающегося публичными казнями отступников [17, p. 7].

Таким образом, ряды сторонников идеи создания халифата расширяются, финансовая – внутренняя и внешняя – помощь джихадистам не истощается, а боевая их мощь растет путем оснащения наиболее влиятельной в регионе группировки – Западноафриканской провинции «Исламского государства» – новейшим оборудованием. К тому же организация создала на захваченных территориях квазигосударственные структуры – управленческие, судебные органы, специальные ведомства, отвечающие за армию, торговлю, образование, здравоохранение и т.д., услугами которых местные жители вынуждены пользоваться.

Поскольку социально-экономическая ситуация в БОЧ продолжает ухудшаться, а торговля оружием – расширяться, число последователей ЗАПИГ, а также «бойцов» ОГС, скорее всего, будет расти и регион еще на долгое время сохранится в качестве территории нестабильности.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. de Sao Joao R. 2013. State centric versus human centric: how should water as a conflict variable be understood? Johannesburg: University of the Witwatersrand. <https://core.ac.uk/download/pdf/39671759.pdf> (accessed 01.01.2024)
2. Policelli F., Hubbard A., Jung H.C., Zaitchik B., Ichoku C. 2018. Lake Chad total surface water area as derived from land surface temperature and radar remote sensing data. *Remote Sensing*. Vol. 10. Iss. 2. P. 252. DOI: 10.3390/rs10020252
3. Vivekananda J., Wall M., Sylvestre F., Nagarajan Ch. 2019. Shoring up stability: addressing climate and fragility risks in the Lake Chad Region. Berlin: Adelphi. <https://adelphi.de/en/system/files/mediathek/bilder/Lake-Chad-Shoring-up-Stability-ES.pdf> (accessed 29.12.2023)
4. Крюкова Т.В. Африканская сеть ИГ: «Боко Харам». *Азия и Африка сегодня*. 2016. № 12. С. 56–60.
Kryukova T.V. 2016. ISIS African network: Boko Haram. *Asia and Africa today*. № 12. Pp. 55–60. (In Russ.)
5. Денисова Т.С., Костелянец С.В. Камерун: радикализация ислама и экспансия «Боко Харам». *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 9. С. 40–48. DOI: 10.31857/S032150750016590-1
Denisova T.S., Kostelyanets S.V. 2021. Cameroon: the radicalization of Islam and the expansion of Boko Haram. *Asia and Africa today*. № 9. Pp. 40–48. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750016590-1
6. Костелянец С.В., Океке О.А.Э. Динамика африканской политики Нигерии в постколониальный период. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2021. № 4. С. 56–71. DOI: 10.31132/2412-5717-2021-57-4-56-71
Kostelyanets S.V., Okeke O.A.A. The dynamics of Nigeria's policy for Africa in the post-colonial period. *Journal of the Institute for African Studies*. № 4. Pp. 56–71. (In Russ.). DOI: 10.31132/2412-5717-2021-57-4-56-71
7. Zenn J. (ed.). 2018. Boko Haram beyond the headlines: analyses of Africa's enduring insurgency. Washington, DC: Combating Terrorism Center at West Point. <https://ctc.usma.edu/wp-content/uploads/2018/05/Boko-Haram-Beyond-the-Headlines.pdf> (accessed 29.12.2023)
8. Африка: политическое развитие и армия. М.: ИАФР РАН, 2020.
2020. Africa: political development and army. Moscow.
9. Forest J.J.F. 2012. Confronting the terrorism of Boko Haram in Nigeria. Tampa, FL: Joint Special Operations University. <https://www.hsdl.org/c/view?docid=715583> (accessed 28.12.2023)
10. Assanvo W., Abatan J.E.A., Sawadogo W.A. 2016. Assessing the Multinational Joint Task Force against Boko Haram. ISS. <https://issafrica.s3.amazonaws.com/site/uploads/war19.pdf> (accessed 27.12.2023)
11. Mahmood O.S., Ani N.Ch. 2018. Factional dynamics within Boko Haram. ISS. <https://issafrica.org/research/books-and-other-publications/factional-dynamics-within-boko-haram> (accessed 26.12.2023)
12. Magrin G., De Montclos M.A.P. 2018. Crisis and Development. The Lake Chad Region and Boko Haram. Paris: AFD. <https://www.afd.fr/en/ressources/crisis-and-development-lake-chad-region-and-boko-haram> (accessed 26.12.2023)

13. Ogbozor E. 2020. Co-existence in Boko Haram's caliphate: making a living in militant controlled areas in rural Borno, Nigeria. *African Journal on Terrorism*. Vol. 9. Iss. 1. Pp. 123–139. <https://caert.org.dz/Publications/Journal/June 2020.pdf> (accessed 26.12.2023)
14. Bacon T., Warner J. 2021. Twenty Years After 9/11: the threat in Africa – the new epicenter of global jihadi terror. *CTC Sentinel*. Vol. 14. Iss. 7. Pp. 76–90. <https://ctc.westpoint.edu/wp-content/uploads/2021/09/CTC-SENTINEL-0720 21.pdf> (accessed 26.12.2023)
15. Omenma J.T. 2019. Untold story of Boko Haram insurgency: The Lake Chad oil and gas connection. *Politics and Religion*. Vol. 13. Iss. 1. Pp. 180–213. DOI: 10.1017/S1755048319000166
16. Ibrahim J., Bala S. 2018. Civilian-led governance and security in Nigeria after Boko Haram. Washington, DC: USIP. <https://www.usip.org/publications/2018/12/civilian-led-governance-and-security-nigeria-after-boko-haram> (accessed 27.12.2023)
17. Bohm V. 2020. Boko Haram in 2020. Herzliya: IDC Herzliya. <https://ict.org.il/images/Boko Haram in 2020.pdf> (accessed 27.12.2023)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Денисова Татьяна Сергеевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Центром изучения стран Тропической Африки, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Tatyana S. Denisova, PhD (History), Leading Researcher, Head, Centre for Tropical Africa Studies, Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia.

Костелянец Сергей Валерьянович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Центром социологических и политологических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Sergey V. Kostelyanets, PhD (Political Science), Leading Researcher, Head, Centre for Sociological and Political Sciences Studies, Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 15.11.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 17.11.2023

Принята к публикации
(Accepted) 09.01.2024